

Е. Р. Николаев

Лексическое поле *үрүмэ* ‘молочная пенка’ в якутском языке: нормативно-диалектный и сравнительно-сопоставительный аспект

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия

Аннотация. Данное исследование проведено в контексте сохранения и документирования диалектной лексики якутского языка. Необходимость изучения литературно-нормативных и диалектных наименований молочных продуктов (блюд) в якутском языке обусловлена тем, что недостаточно изучена лексика скотоводческой культуры. Изучение гастрономической лексики позволит не только выявить семантические схождения и отличия, но и познакомиться с культурой традиционной пищи родственных и неродственных народов. Основная цель данного исследования заключается в описании лексического поля наименования молочного продукта *үрүмэ* ‘молочная пенка’ в якутском языке в сопоставлении с тюркскими и монгольскими языками. В работе предпринята попытка выявить и определить структурные и семантические особенности лексического поля *үрүмэ* ‘молочная пенка’, провести сравнительно-сопоставительный анализ наименований молочной пенки в тюркских и монгольских языках. Для решения поставленной цели работы, выполненной в традициях лингвокультурологии, использованы контекстный анализ, описательный метод и интерпретация языкового материала. Приводятся лексикографические примеры, выдержки из этнографических материалов, раскрывающие лексические значения отдельных слов. Определена структура слов, которые являются гастрономическими терминами, обозначающими различные блюда из молочной пенки. Выявлены их форманты, отмечены компоненты составных терминов. Анализ показал, что в хакасском, тувинском, тофаларском и якутском языках присутствуют наименования молочной пенки *үрүмэ//өрөмө*, которые имеют схождения в монгольских языках. Устанавливается связь наименования молочной пенки *көпүк//күбек* в тюркских языках с общетюркским значением именной основы *көп** ‘обильный, большой, пышный’, имеются лексические схождения с диалектными номинациями взбитых сливок (*көбүкү, көөл* и др.) в якутском языке. Наименования видов сливочного масла в якутском языке (*көбүөр, көбдө арыы, көбүөр арыы*) обнаруживают семантические параллели с монгольской основой *көп** со значением ‘рыхлый’. Выявлено также, что монгольской лексике близки якутские наименования сушеной молочной пенки *тарчаа, таччаба, чачык, чаччык, чаччаа, чаччаба*. Описание подтвердило, что в лексическое поле «*Үрүмэ*» включаются наименования-архаизмы глиняной посуды для приготовления блюд из молочной пенки (*бабарах, туптэх*). Установлена коннотативная семантика степени жирности молока в цветообозначающем компоненте *кыһыл үрүмэ*.

Ключевые слова: тюркский язык, якутский язык, монгольский язык, лексическое поле, гастрономическая лексика, молочная пенка.

Исследование проведено в рамках государственной программы «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2020-2024 годы» (Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 18 июля 2022 г. № 472 «О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия)»).

НИКОЛАЕВ Егор Револьевич – к. филол. н., научный сотрудник отдела якутского языка, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: 1953307@mail.ru

NIKOLAEV Egor Revolvievic – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow, Department of Yakut Language, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

E. R. Nikolaev

Lexical field *yrume* ‘milk foam’ in the Yakut language: normative-dialect and comparative-comparative aspect

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk, Russia

Abstract. The vocabulary of cattle breeding has not been sufficiently studied in the Yakut language. The study of dialect names of dairy products (dishes) remains relevant. The purpose of this study is to describe and analyze the lexical field of the name of dairy product *yrume* ‘milk foam’ in the Yakut language in comparison with the Turkic and Mongolian languages. To achieve the goal, the following tasks were set: to identify and determine the structural and semantic features of the lexical field *yrume* ‘milk foam’; to conduct a comparative and comparative analysis of the names of milk foam in the Turkic and Mongolian languages. The work uses the methods of descriptive method, contextual analysis and interpretation of linguistic material. The material and sources are explanatory, dialectological dictionaries, and ethnographic materials. In the course of the study the structure of gastronomic terms, which denote different types of dishes made of milk foam, was determined. Word-forming affixes and components of compound terms were identified. The analysis showed that the Khakass, Tuvian, Tofalar and Yakut languages contain the names of milk foam *yrumel/eromø*. This lexical series is of Mongolian origin. In other Turkic languages, the word *kopuk//kybek* is used to denote milk foam. The basis of these names is the Turkic word *køp** with the meaning ‘great, large, lush’. The Turkic word *køp** is expressed by dialectal nominations of whipped cream in the Yakut language (*købyky, køp, etc.*). Yakut names of butter (*købyør, købdø aryу, købyør aryу*) are close to the Mongolian base *køn** with the meaning ‘loose’. The Mongolian lexicon is close to the Yakut nominations of dried milk foam (*chachyk, chachchaa, etc.*). The lexical field of milk foam includes the names of earthenware utensils (*başarakh, tьptekh*) for preparing dishes from milk foam. The connotative semantics of the degree of milk fatness in the color- denoting component *kyhyl yrume* was established.

Keywords: Turkic language, Yakut language, Mongolian language, lexical field, gastronomic vocabulary, milk foam.

The research was conducted as part of the state programme «Preservation and Development of State and Official Languages in the Republic of Sakha (Yakutia) for 2020-2024». (Government Resolution of the Republic of Sakha (Yakutia) No. 472 of 18 July 2022 ‘On the State Programme of the Republic of Sakha (Yakutia) «Preservation and Development of State and Official Languages in the Republic of Sakha (Yakutia)»).

Введение

Тема лексики скотоводческой культуры тюркских народов в сравнительно-сопоставительном аспекте всегда остается актуальной, поскольку синхроническое изучение представляет современное состояние языка, выявляет его сохранность, дает возможность документировать существующие языковые факты. Диахронический подход в интеграции с синхроническим раскрывает те моменты, которые могут быть интересны именно для сопоставления тождественных признаков, например, диалектных, с лексикой родственных языков. В этом ракурсе исследованию подвергаются не только план выражения – структура, но и смысловой аспект – семантика. Такой подход наиболее продуктивен в изучении лексики пищи (или гастрономической лексики), так как пища является своеобразнымкумулятивом человеческой жизнедеятельности в природном ландшафте, содержащим и отражающим материальные и духовные ценности любого народа. В состав лексики пищи входят самые значимые социо-культурные реалии прошлого и настоящего, которые подвержены изменениям в силу экономических, исторических, культурных реалий, тем самым исследование этой тематической группы является актуальной и необходимой в контексте сохранения и развития языков народов России.

Степень изученности темы

Традиционная национальная кухня якутов, разновидности блюд (продуктов) всегда входили в поле исследований этнографов, собирателей фольклора. Подробную классификацию и описание якутской традиционной пищи сделал этнограф, фольклорист А. А. Саввин [1]. Он распределил пищу якутов по следующим группам: молочные, мясные, рыбные, растительные, мучные блюда, напитки. Большая часть блюд (продуктов) давно вышла из обихода, и наименования этих блюд находятся в диалектном или в устаревшем пласте лексики якутского языка. Этнографический обзор с анализом процесса приготовления основных блюд якутов и с сопоставлением родственных тюркских культур и языков сделал С. И. Николаев [2]. Роль растительной пищи в дореволюционной жизни якутов изучила О. В. Ионова [3]. Лингвокультурологический подход темы пищи мы находим в статье Л. Л. Габышевой, автор исследовала пищевой код в фольклорных текстах, его знаковые, мифологические особенности [4]. Гастрономическая лексика якутского языка в плане языковой реалии хорошо проработана в статьях Т. Н. Николаевой, в частности, о «белой» (*уруҥ ас*) и «черной» (*хара ас*) пище, о ритуальной отмеченности молочной пищи и т. д. [5, 6]. Нами были рассмотрены тунгусо-маньчжурские заимствования в лексике якутской пищи, фрагмент языковой картины мира в лексике пищи якутского и тувинского языков, о семантических параллелях в лексике традиционной пищи в якутском, хакасском, алтайском народных сказках и т. д. [7, 8, 9, 10]. Молочную лексику якутского, алтайского, хакасского и тувинского языков, в частности, с указанием о том, что «возможно, в тувинский и якутский слово (*өрөмө*) попало из монгольского языка» изучали якутские и калмыцкие лингвисты в соавторстве [11].

В тюркских языках лексику традиционной пищи в разных аспектах рассматривали: Р. П. Абдина – хакасскую пищу [12], Хайрутдинова – татарскую [13], Аминева – башкирскую пищу [14] и др., в монгольских языках: названия молочных продуктов в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках, а также лексику, отражающую традиционную пищу калмыков [15, 16] и др.

Материалы и источники

Выборка материала данного исследования основывается на национальном корпусе литературно-нормативной лексики современного якутского языка, источником которого служит 15-томный Большой толковый словарь якутского языка. Также опорным источником для нашего исследования послужили два диалектологических словаря якутского языка, двуязычные словари тюркских и монгольских языков.

Для решения поставленной цели работы использованы контекстный анализ, описательный метод и лингвокультурологическая интерпретация языкового материала.

Цель статьи – описание лексического поля наименования молочного продукта *урумэ* ‘молочная пенка’ в якутском языке в сопоставлении с тюркскими и монгольскими языками.

Задачи исследования: описать структурные и семантические особенности лексического поля *урумэ* ‘молочная пенка’ в якутском языке; выявить лексические единицы, обозначающие молочную пенку в тюркских и монгольских языках; установить круг лексического поля *урумэ* ‘молочная пенка’.

Из всей многоэлементной системы лексико-семантической группы «Наименования молочных продуктов и блюд» выделяется не только разнообразием, но и отличается различными фонетическими вариантами, репрезентативностью значений, образующих лексико-семантическое поле одного слова – *урумэ* ‘молочная пенка’.

В общеякутской лексике *урумэ* имеет следующее значение: тонкая пленка или пенка, образовавшаяся при остывании кипяченого молока; национальная якутская пища, приго-

тавливаемая из обезжиренного молока в особых случаях: во время кипения молока огонь уменьшают так, чтобы на поверхности молока образовалась пенка. По мере образования снимают пенку, дают с нее стечь молоку и перекладывают ее слоями в посуду с плоским, широким дном, поливая каждый слой топленным маслом. Подают к столу, свернув рулетом и нарезав на узкие кусочки [17].

Толковый словарь якутского языка дает также дефиниции трех наименований блюд на основе молочной пенки: *баҕарах үрүмэ* ‘вид национальной якутской молочной пищи: от *үрүмэ* отличается используемой для приготовления посудой (специальный глиняный горшок с широким верхом – *баҕарах*), а также тем, что слои молочной пенки промазывают сметаной’; *бурдуктаах үрүмэ* ‘... в молоко добавляют немного муки’, букв. молочная пенка с мукой; *сүннүүөх үрүмэ* ‘... үрүмэ, свернутое со сливочным маслом в виде рулета’, вероятно от *сүннүүөх* ‘картечь (пуля)’, ‘голеная кость лошади’ [18, с. 249-250]. Этимологические поиски якутских лингвистов привели к такому выводу: *сүннүүөх үрүмэ* был образован как метафорический перенос – произошло сравнение пули, жакана с костью: «в старину при отсутствии свинца якуты вытачивали костяные пули и пули из древесного сучка» [19].

Диалектные лексикографические источники представляют следующие наименования блюд из *үрүмэ*, которые можно выделить:

по способу приготовления: *баҕарах үрүмэ*, татт. *ыаммыт үүтү баҕарах чугуун иһиккэ оргутан онгорор үрүмэ* ‘кушанье из пенки, полученной специальным кипячением цельного молока’ [20, с. 57], т. е. *үрүмэ* выпаривают на специальном широком глиняном горшке называемой *баҕарах*;

по внешнему облику: *дьапталҕа үрүмэ*, татт. *халбыллыбыт үүтү анал иһиккэ кыынньаран ылбыт үрүт-үрдүгэр ууруллубут үрүмэ* ‘кушанье из сложенной слоями пенки, полученной специальным кипячением снятого молока’ [20, с. 95]. Определяющая лексема *дьапталҕа* образована от основы *дьаптал* ‘уложенный слоями, лежащий пластами’ [20, с. 311], восходящим к монголизму *дьанпта* ‘слой, пласт’ [22, с. 171];

по агрегатному состоянию: *тааркы, үрүт-үрдүгэр дьаптайан хатарыллыбыт үүт үрүмэтэ* ‘сушеная молочная пенка, сложенная в несколько слоев’; *тарка, тарки*, сиб. рус. ‘слоеное печенье’ [20, с. 231]; *тааркы*, сиб. рус. *тарка; саха тааркыта* ‘сушеная молочная пенка, сложенная в несколько слоев’ [23, с. 2580]; *чачык, хатарба; тарчаа*, инд. *хаппыт үрүмэ* ‘сушеная пенка молока’; *үүтү кыынньараллар, ол үрүмэрэн тахсар, ону, халбийан ылан, долбуурга хатараллар, ол аата тарчаа диэн* ‘молоко кипятят, образовавшуюся пенку снимают и сушат на полке, а называется эта сушеная пенка тарча’ [24, с. 184]; *таччаа* [24, с. 185], *чарчаа* [24, с. 232]; *таччаҕа* ‘что-либо засохшее тонкое, но твердое’; *чаччаҕа: таччаҕалаа* ‘съеда я жижу, оставлять гушу’; *чаччаҕалаа; бу оҕо аһылыгын таччаҕалаан кэбистэ* ‘съевши жижу, это дитя оставило гушу’ [23, с. 2608]; ср.: *татчай* ‘растопыриваться’: *татчайа хаппыт* ‘растопырилась-ссохлась (кожаная одежда)’ [23, с. 2604]; *чачча*, аб., ойм. *үрүмэ* ‘пенка на молоке’; *чаччаа*, ойм. *чаччаҕа, таччаҕа* ‘что-либо из пищи, засохшее, тонкое и жидковатое, например, тонкая пенка на молоке (вероятно, раньше – сухая пища, сухая мелкая рыба)’; *чаччаҕалаа, таччаҕалаа; ынах үүтүн чаччаҕалаан* ‘превращая молоко во что-то густое или твердое’; *чаччык*, верх.; *чачык* ‘снятая с молока пленка, засушенная в виде трубочки – сухое молоко, составляющее у якутов лакомство’ [20, с. 297; 23, с. 3591, 3593]; *чаччаа*, диал. *кыра-кыра лэппиэскэ курдук гына хатарыллыбыт үрүмэ* ‘сушеная в виде лепешки үрүмэ’, ср. *чаччаарыйбыт* ‘испещренный морщинами, морщинистый (о лице человека)’ [25, с. 128]. Возможно, что *тарчаа, таччаҕа, чачык, чаччык, чаччаа, чаччаҕа* восходят к монголоязычной лексике: *sarči-*: *sarčiγar*, халх. *сарчгар*, бур. *һаршагар* ‘тонкий, разошедшийся; шелестящий, хрустящий’; *sarčiγi-*, халх. *сарчий-*, бур. *һаршай-, һаршии-* ‘быть увядшим, разошедшимся, быть скорченным’ [26, с. 90].

К данной микрогруппе также относится другое наименование блюда из *үрүмэ*: **хатарба**, татт. *ханьыт үрүмэ* ‘высушенная молочная пенка’ [20, с. 285]; иссушенная молочная пенка [23, с. 3401]; *хатарбалаа* ‘снабжать иссушенной молочной пенкой или рыбой’ [23, с. 3401]. Основа *хатарба*, вероятно, восходит к др.-тюрк. *qat-* ‘становиться твердым, твердеть’ [27, с. 432].

Диалектная лексика также различает виды *үрүмэ* по их качеству (по жирности): **кыһыл үрүмэ**, инд. *хойуу үүт үрүмэтэ* ‘пенка от жирного молока’ [23, с. 106]; **үрүң үрүмэ**, инд. ‘белая пенка’ [24, с. 210]. *Кыһыл*, кроме традиционного обозначения цвета, проявляется в качестве составного элемента в коннотативных значениях: *кыһыл сылаах* ‘слабой упитанности (о лошади)’, букв. с красным жиром [28, с. 373], «*кызыл эремсек* “красный творог” – разновидность творога. Он получается при продолжительном кипячении молока с добавлением свежей сметаны и катыка» [29, с. 25]. Скорее всего цветовой компонент в *кыһыл үрүмэ* является показателем высокой жирности, а также ценности блюда из-за продолжительности, сложности приготовления.

Диалектная лексика якутского языка выявляет также и расширение семантики *үрүмэ*: в усть-янском говоре обозначает *чөчөгөй* ‘жидкие сливки’ [24, с. 209].

Вероятно, одной из вершин якутской национальной кухни может считаться блюдо **үрүмэ арыыта**, лен. *ыаммытынан үүт үрүмэтиттэн онһууллубут арыы* ‘масло, приготовленное из пенки парного молока’; *үрүмэ арыытын курдук арабас дьахтар* ‘румяная (женщина), как масло из пенки парного молока’ [24, с. 209].

Структура наименования

Лексема *үрүмэ* образует сложные гастрономические термины с помощью словообразовательного аффикса обладания *-лаах* для обозначения значения принадлежности: *бурдуктаах үрүмэ*, *арыылаах үрүмэ*. Также *үрүмэ* образует составной термин с помощью аффикса принадлежности 3-го лица *-та*: *үрүмэ арыыта*; деривационный процесс видов *үрүмэ* средством терминообразующих словообразовательных формантов *-ба* = *хатарба*, *-ба* = *чаччаба*.

Примером синтагматического способа образования являются *бабарах үрүмэ*, *дьанталба үрүмэ*, которые можно определить как составные термины, построенные по модели сущ.+сущ. (*хатын чаран*, *бэс чагда*, *тимир суол* и т. д.), выражающие конкретно-предметное понятие [30, с. 178], а также термины по модели прилаг.+сущ.: *кыһыл үрүмэ*, *үрүң үрүмэ*.

Посуда для приготовления блюд из молочной пенки

Лексическое поле *үрүмэ* также включает периферийные лексемы, без которых образование данного круга лексем немыслимо. Издревле *үрүмэ* готовили в глиняных посудах, номинации которых составляют микрогруппу наименований традиционной посуды и утвари в якутском языке. Мы выявили около 20 названий глиняной посуды, среди которых присутствуют горшки различных размеров, использующихся только для приготовления *үрүмэ*:

түптэх: старинное название горшка (*бабарах*) [23, с. 2911]; молоко яловой коровы, предварительно охлажденное в течение 8-10 часов, выпаривалось в особых глиняных горшках *түптэх* или *бабарах*, представляющих собой довольно большую орнаментированную чашу, снабженную иногда четырьмя ножками. ... В последнее время из-за отсутствия *түптэхов* *үрүмэ* начали готовить в сковороде [1, с. 108]. *Түптэх* является практически забытым словом, семантика неоднозначна: «*Одьо Гомсоон Улахан Обуруоттаах таххыытыгар Куртуйах Сүүлэ диэннэ олорут. Түөрт ынахтаабыттан иккитин сылын аайы кытаратар үһү. Кутуругун төрдүгэр төгүрүк хос-хос баайыллыбыт туюс баайар үһү. Ол туюһун аата түптэх диэн. Букатын былыргылы тыл* = Одьо Самсон жил вблизи Улахан

Огуруоттаах в местности куртуйах Сююлэ. Из четырех коров две коровы оставял яловыми. Привязывал к концу хвостов перевязанный кусок бересты. Название эти берестяных кусков – туптэх. Очень древнее слово» [31, с. 82]. В некоторых этнографических заметках упоминается, что «*кэлин күөс (түптэх) ымыы буолбут* = позднее глиняный горшок күөс (*түптэх*) трансформировался в оберег» [32, с. 13]. Возможно, мифоним *Түптүйэ* имеет одну основу с *түптэх=түптүйэ+х* (аффикс, образующий имена существительные, например, *балхай<баллах*): «Так, по материалам А. А. Саввина, покровителями кузнецов выступали: Кыырык Тебе, Кыса уус, Чуолган уус, Сорго уус, Кюеттээнэй уус, Чыскы уус, Кыстык уус, Балта уус, Сирэ уус (ууһу анааччы), Игииһит уус, Кыптыы уус, Ыһыы уус. Самым старшим среди них считался Аан Түптүйэ. (...) Теоним *Түптүйэ* указывает, что главным покровителем кузнеца являлся дух предка. Неслучайно плавильные горны, духи которых защищали кузнеца от врагов, повторяли форму глиняных горшков» [33, с. 22];

баҕарах: ‘низкий и широкогорлый горшок для варки молока (*үрүмэ үрүмэлиир баҕарах, үрүмэ баҕараба*) или рыбы (*балык баҕараба*)’; *баҕарах*, мег., сунт. ‘разновидность глиняной посуды для хранения воды’ [24, с. 46]; *баҕарчах, баҕатчах, баҕаччах, баҕалчах* ‘плоская глиняная чашка, горшок для варки молока, мяса’; *атахтаах баҕарчах* ‘горшок на трех ножках, употребляемый вместо чугунного котла для варки пищи’ [34, с. 328] – *-чах* – аффикс уменьшительности; *чай баҕарах алгый* ‘крепкий, низкий и объемистый котел’ [23, с. 3631]. По Г. В. Попову, «... морфологическую структуру як. *баҕарах* можно проанализировать так: *бакыр* ‘медь’, ‘медная посуда’, ‘черпак’ + *-ак* (аффикс в уменьшительном и увеличительном значении)» [22, с. 106];

оҕо күһүйэтэ (көһүйэтэ), устар., нюрб. *оҕо үүтүн кыынньарар иһит* ‘маленький глиняный горшочек для кипячения молока ребенку’ [24, с. 140].

В якутском языке существует довольно большая лексико-тематическая группа лексем, обозначающая процесс и способы приготовления пищи, вкус пищи и т. п. Из более 300 слов и выражений мы выявили две лексемы, касающиеся непосредственно *үрүмэ*: **өллөн** вм. *тот-*: насыщаться, кормиться; *үрунтэн үрүмэтин өллөнөн* ‘из молочной пищи насыщаясь (кормясь) пенками’ [35, с. 1931-1932]; **үрүмэ өттүктээх** ‘с пенным (из молока) боком (абааһы (темный дух; демон) называет так человека)’ [35, с. 1988].

Сравнительно-сопоставительный аспект

Данная сторона нашего исследования раскрывается в лексемах, обозначающих молочную пенку в тюркских языках: древнетюркский язык: *көрийк* ‘пена’ [27, с. 317]; хакасский язык: *пызыг хаймах, пызыг чөйкей, пызыг өреме* ‘пенка (кипяченого молока)’ [36, с. 502], *өреме* ‘пенка (на кипяченом молоке)’, *пызыг өреме* ‘блюдо из пенки (кипяченого молока)’, ‘молочное блюдо, мороженая сметана, снятая с кипяченого молока (блюдо типа мороженого)’ [Субракова с. 328]; тувинский язык: *өреме* ‘сливки, пенки (с кипяченого молока)’ [38, с. 339]; тофаларский язык: *өреме* ‘пенка’ [39, с. 58]; алтайский язык: *сүттин көбүгү* ‘пенка молока’ [40, с. 365]; башкирский язык: *күбек* ‘пена’ [41, с. 753]; татарский язык: *күбек* ‘пенка (на поверхности остывающего молока)’ [42, с. 664]; казахский язык: *көбик* ‘пена’ [43, с. 244]; турецкий язык: *каутак(ği), көпүк(ği), сүт үзү, сүтбақи* ‘пенка; пенка на кипяченом молоке’ [44, с. 318]; каракалпакский язык: *көбик* ‘пена (в разл. знач.)’ [45, с. 636]; киргизский язык: *көбүк* ‘пена’ [46, с. 530]; узбекский язык: *күпик* ‘пена’ [47, с. 23]; азербайджанский язык: *көрийк* ‘пена’ [48, с. 798] и др.

В монгольских языках: калмыцкий язык: *өрм* ‘сметана; пенка’, *үснэ өрм* ‘пенка на молоке’ [49, с. 424]; бурят-монгольский язык: *үрмэ(н)* ‘пенка (затвердевшая)’; *үрмэ сагаан*, собир. ‘пенки, сливки’ [50, с. 516].

Стоит отметить, что некоторые затруднения вызывает отсутствие лексем в словниках, непосредственно указывающих на молочную пенку, так как большинство лексикографических источников представляет общую лексему ‘пена; пенка’.

Корпус наименований молочной пенки указывает на то, что тюркские наименования восходят к др.-тюрк. основе *köp**: ‘обильный, большой, пышный’ [27, с. 317]. К этому лексическому полю включаются якутские диалектные наименования взбитых сливок: *көбөкө*, горн., *көбүккү*, верх., сакк., *көбүкү*, бул., сакк., *көөп*, вил., *көппөкү*, верх., *көптөө*, вил., *көпүкү*, сакк. [20, с. 116, 118]. Сюда можно отнести также диалектные наименования видов якутского сливочного масла с основой *көп**: **көбдө арыы** ‘неплотное масло; неплотный (*сахсахай*)’ [34, с. 1118]; *сахсархай*, *сахсахай* ‘рыхлый, неплотный’ [34, с. 2137; 2138]; **көбүөр**, вил., олен., сад. *чохоон* ‘сливочное масло, взбитое в теплом молоке, а затем замороженное; чехон’ [24, с. 87]; **көбүөр арыы**, олекм. *ыпсыыта кыттыбатах арыы* ‘плохо сбитое масло’ [24, с. 87]. Семантический ряд ‘рыхлость’ дополняется следующими лексемами: *көбүк*, *көмүк* ‘глубокий рыхлый снег’, *көбүгэс* ‘пух’, *көбдүлгэн сир* ‘рыхлая почва’ [34, с. 1119], тем самым имеет смысл включить в данный ряд монголоязычные лексемы и значения, например, *хүбэн саһан* ‘рыхлый снег’ [51, с. 113], *хүбэн(г)* ‘уподоб. как вата’ [52, с. 601], *көп-* ‘вздуваться, вспухать’ [52, с. 91], что дает нам возможность присоединиться к выводу – «... не исключает возможности существования общеалт. глагольно-именной основы *көп-/*көп, представленными в тюрк., монг. и тунгусо-маньчжурских языках» [53, с. 109]. Таким образом, *көп** также включает такие значения, как ‘пышность, рыхлость структуры (консистенции) того или иного вещества’, например, взбитых сливок.

Хакасский, тувинский, тофаларский и якутский языки, которые на различных этапах своего исторического развития имели монголоязычное (взаимо)влияние, сохраняют монгольскую лексему *ө(ү)рм** ‘пенка (молочная); сметана’. Данный факт был отмечен якутским тюркологом Н. К. Антоновым: *үрүмэ* (наряду с *сүөгэй*, *чөчөгөй*, *идьээгэй*, *ымдаан*, *сингэ*, *аарах*) считается монголизмом, поздним заимствованием, относящимся к оседлой скотоводческой культуре [54, с. 42].

Диахронический анализ показывает, что для хакасской, тувинской, тофаларской и якутской наименований молочной пенки, объединяющей категориальной семьей, центральным ключевым словом является литературно-нормативное *үрүмэ//өрөмө*, а для остальных тюркских языков *көпүк//күбек* образует лексико-семантическую группу из наименований, в т.ч. диалектных, различных блюд якутского языка из молочной пенки. Данная группа дополняется микрогруппой якутских диалектных вариаций наименований взбитых сливок *көбүк* и рыхлого сливочного масла **көбүөр арыы**, **көбдө арыы**, которые по внешнему оформлению и семантически близки общетюркским лексемам *көпүк*, *күбэк* ‘молочная пенка’. Монгольской лексике близки якутские наименования сушеной молочной пенки *тарчаа*, *таччаба*, *чачык*, *чаччык*, *чаччаа*, *чаччаба*.

В синхроническом аспекте лексическое поле *үрүмэ* в якутском языке сохраняет свои позиции в современной культурной реалии, например, восстановлен полный процесс приготовления *арыылаах үрүмэ* в рамках республиканского конкурса «Приготовление национального блюда «Үрүмэ» в с. Черкёх Таттинского улуса [55]. Мы отметим такой интересный факт: основные гастрономические термины, обозначающие блюда из молочной пенки (*баҕарах үрүмэ*, *дьапталба үрүмэ*, *хатарба*) относятся к таттинскому говору. Таттинский говор относится к центральной диалектной зоне восточного диалектного массива якутского языка. В восточную диалектную зону также включены индигирский (*чачык*, *хатарба*, *тарчаа*, *кыһыл үрүмэ*, *үрүг үрүмэ*), оймьяконский (*чачча*, *чаччаа*) говоры. Данное явление можно связать с историческим расселением якутов-скотоводов в центральной и северо-восточной Якутии.

Заключение

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

– лексическое поле як. *үрүмэ* представляет собой семантический ряд диалектных номинаций взбитых сливок (*көбүкү, көөп* и др.), восходящих к тюркским обозначениям молочной пенки (*күбэк, көпүк* и т.д.) с основой *көп** ‘обильный, большой, пышный’. В это лексическое поле также включаются общеякутские и диалектные наименования видов сливочного масла в якутском языке (*көбүүр, көбүүр арыы, көбдө арыы*), которые, возможно, восходят к монгольской основе *көп** со значением ‘рыхлый’. Т. е. данный круг наименований имеет тюрко-монгольские корни;

– связь с монгольской основой *өрм** репрезентируют: як. *үрүмэ* (как и наименование молочной пенки в тувинском, хакасском, тофаларском языках); якутские наименования сушеной молочной пенки *тарчаа, таччаба, чачык, чаччык, чаччаа, чаччаба* (с монгольскими *сарчгар, харшагар* ‘тонкий, разошедшийся; шелестящий, хрустящий’);

– наименования (гастрономические термины) якутских блюд из молочной пенки образуются с помощью аффикса обладания (*-лаах*), терминообразующих формантов (*-ба, -ба*);

– в лексическое поле *үрүмэ* также включаются наименования-архаизмы глиняной посуды (*бабарах, түптэх*);

– определяющий компонент *кыһыл* (*кыһыл үрүмэ*) выявляет коннотативную семантику, обозначающую не только цвет продукта (блюда), но и его ценность, обусловленную высоким уровнем жирности молока, равно как и сложностью приготовления блюда из молочной пенки.

Таким образом, лексическое поле як. *үрүмэ* ‘молочная пенка’ представляет собой результат тюрко-монгольского симбиоза скотоводческой, гастрономической культур якутов (сахы), которое более всего ярко проявляется в диалектной лексике якутского языка.

Сокращения:

аб. – абыйский говор; букв. – буквально; бул. – булунский говор; бур. – бурятский язык; вил. – вилюйский говор; др.-тюрк. – древнетюркский язык; инд. – индигирский говор; лен. – ленский говор; мег. – мегинский говор; нюрб. – нюрбинский говор; ойм. – оймьяконский говор; олен. – оленекский говор; сад. – садынский говор; сакк. – саккырырский говор; сиб. рус. – сибирско-русское слово; собир. – собирательное значение; сунт. – сунтарский говор; татт. – таттинский говор; устар. – устаревшее; халх. – халха-монгольский язык; як. – якутский язык.

Литература

1. Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии) / подгот. текста, введ. ст., послесл., коммент. и примеч. д. и. н. Е. Н. Романовой (отв. ред.); литер. ред. Н. И. Дегтярева. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. – 376 с.
2. Николаев С. И. Пища якутов (в свете соседних культур). – Якутск: Якутский край, 2010. – 165 с.
3. Ионова О. В. Растительная пища якутов / Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. Вып. 2. – Якутск, 1961. – С. 26-40.
4. Габышева Л. Л. Пищевой код в якутской культуре: семантика и функции // Этнография, фольклористика и религиоведение Сибири и сопредельных регионов: Материалы I Алексеевских чтений (г. Якутск, 26 апреля 2012 г.). – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2013. – С. 97-106.
5. Николаева Т. Н. Традиционная пища якутов как источник жизненной энергии (на материале героического эпоса – олонхо) / Т. Н. Николаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8(50). – Ч. 2. – С. 136-140.
6. Николаева Т. Н. Лингвокультурная интерпретация «белой» пищи якутов / Т.Н. Николаева <https://doi.org/10.25587/SVFU.2020.76.61513> // Вестник СВФУ. – 2020. – № 2(76). – С. 92-101.

7. Николаев Е. Р. О тунгусо-маньчжурских заимствованиях в лексико-тематической группе «пища» в якутском языке (по лексикографическим материалам) / Е. Р. Николаев – DOI: 10.25693/Vasilevich.2020.045 / Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевич: Сборник научных статей. Отв. редактор Л. И. Миссонова. – Якутск, 2020. – С. 240-245.
8. Николаев Е. Р. О семантических параллелях в лексике традиционной пищи в тюркских языках (на материале якутских, хакасских, алтайских народных сказок) / Е. Р. Николаев – DOI: 10.23951/2307-6119-2020-3-71-79 // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2020. – № 3 (29). – С. 71-79. (дата обращения: 26.06.2022).
9. Николаев Е. Р. Пища как фрагмент языковой картины мира (на примере диалектных номинаций пищи в якутском и тувинском языках) / Е. Р. Николаев – DOI: 10.25587/SVFU.2020.76.61510 // Вестник СВФУ. – 2020. 2 (76). – С. 60-71.
10. Николаев Е. Р. Семантические схождения названий молочных блюд (продуктов) в алтайском и якутском языках / Е. Р. Николаев / Алтайское языкознание: проблемы и исследования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 150-летию первой «Грамматики алтайского языка». – Горно-Алтайск: БНУ Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2019. – С. 168-174.
11. Дьячковский Ф. Н., Попова Н. И., Тазранова А. Р., Трофимова С. М., Широбокова Н. Н. Гастрономическая лексика (молочные продукты) в тюркских языках Сибири в сопоставительном аспекте / Ф. Н. Дьячковский, Н. И. Попова, А. Р. Тазранова, С. М. Трофимова, Н. Н. Широбокова – DOI: 10.23951/2307-6119-2021-1-9-20 // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2021. – № 1(31). – С. 9-20. https://ling.tspu.edu.ru/archive.html?year=2021&issue=1&article_id=8138 (дата обращения: 26.06.2022).
12. Абдина Р. П. Лексико-семантическое описание молочных продуктов и блюд в хакасском языке / Р. П. Абдина // Материалы III научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня основания Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. – Кызыл: Типография Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение Кызылский центр образования «Аныяк», 2019. – С. 104-108.
13. Хайрутдинова Т. Названия пищи в татарском языке / Т. Хайрутдинова. – Казань, 1993. – 142 с.
14. Аминова Ф. С. Названия традиционной пищи в башкирском языке: дисс. ... к. филол. н.: 10.02.02. – М., 2005. – 177 с.
15. Рассадин В. И. Трофимова С. М. Названия молочных продуктов в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках / В. И. Рассадин, С. М. Трофимова – DOI: 10.23951/2307-6119-2019-4-28-38 // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2019. – № 4(26). – С. 28-38. https://ling.tspu.edu.ru/archive.html?year=2019&issue=4&article_id=7678 (дата обращения: 27.06.2022)
16. Очирова Н. Ч., Мукабенова Ж. А., Шарапова Н. Н. Лексика, отражающая традиционную пищу калмыков (этнолингвистический аспект) / Н. Ч. Очирова, Ж. А. Мукабенова, Н. Н. Шарапова // Вестник Калмыцкого университета. – 2019. – № 4 (44). – С. 93-98. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41745662> (дата обращения: 26.06.2022).
17. Большой толковый словарь якутского языка: Т. XII: (Буквы У, Y) / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2015. – 598 с.
18. Большой толковый словарь якутского языка: Т. IX: (Буква С – сөллөй – сээн, буква h) / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2012. – 630 с.
19. Попов В. В. Этимологический словарь якутского языка: рукопись / В. В. Попов; Буквы С-Э. Часть IV.– Якутск, 2020. – 424 с.
20. Диалектологический словарь якутского языка: содержит свыше 8500 слов / Сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев; АН СССР, Якут. филиал Сиб. отд-ния, Ин-т яз., литературы и истории. – Москва: Наука, 1976. – 392 с.
21. Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с. (Буквы Г, Д, Дь, И).
22. Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка / Г. В. Попов. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с. (Ч. 1: А-Дь).
23. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд-е. – Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. III. – 3858 стлб.

24. Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том / Сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 296 с.
25. Большой толковый словарь якутского языка: Т. XIV (Буквы Ч-Ы) / Акад. Наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед.; под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2017. – 589 с.
26. Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Институт востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2018. – Том III. – Q-Z. – 2018. – 240 с.
27. Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 676 с.
28. Большой толковый словарь якутского языка: Т. V: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ) / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2008. – 616 с.
29. Сабирьянова С. Г. Наименования пищевых продуктов в башкирских говорах. – Уфа: Китап, 2009. – 112 с.
30. Оконешников Е. И. Язык саха: проблемы лексикографии и терминологии (сб. науч. ст.) / Е. И. Оконешников; сост.: к. филол. н. А. С. Акимова, лаб. Р. Н. Протодьяконова; отв. ред.: д. филол. н. Н. И. Данилова, к. филол. н. Ф. Н. Дьячковский, к. филол. н. А. М. Николаева; Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов Севера СО РАН. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2015. – 210 с.
31. Багдарыын Сүлбэ. Оройтон саҕалаан... / Багдарыын Сүлбэ. – Дьокуускай, 2008. – 200 с.
32. Васильев В. Дүнгүр үөскээһинэ / В. Васильев // Саха сирэ. – 1999. – № 238 (2033). – Ахсынны 18 күнэ. – С. 13.
33. Васильев В. К генезису культа кузнецов, шаманов и воинов: триада сакральной власти / В. Васильев – DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.02 // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2019. – № 1(26). – С. 17-24.
34. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд-е. – Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. I. – 1278 стлб.
35. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд-е. – Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. II. – 2010 стлб.
36. Бутанаев В. Я. Русско-хакасский словарь (около 15 тыс. слов). – Петропавловск: «Полиграфия», 2011. – 940 с.
37. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстүк: (ок. 22 тыс. слов) / М-во образования и науки Республики Хакасия, Хакасский науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории; под общ. ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1111 с.
38. Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 648 с.
39. Рассадин В. И. Современный тофаларский язык и его место в системе тюркских языков / В. И. Рассадин. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. – 218 с.
40. Алтайско-русский словарь; редколлегия: канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. ист. наук Н. В. Екеев, канд. филол. наук А. Н. Майзина, К. К. Пиянтинова, Н. Н. Тыдыкова, канд. филол. наук Е. В. Тюттешева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2018. – 936 с.
41. Башкорт теленең академик һүзлеге: 10 томда. Т. IV: (Й-К хәрәфтәре) / Ф. Ф. Хисамитдинова редакцияһында. – Өфө: Китап, 2012. – 944 б.
42. Татарско-русский словарь: в 2-х т. Т. 1 (А – Л). – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.
43. Бектаев К. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь / К. Бектаев. – Алматы, 1995. – 703 с.
44. Большой русско-турецкий словарь. 250 000 слов и словосочетаний. – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2009. – 608 с.
45. Русско-каракалпакский словарь: Около 47 000 слов / Под ред. Н. А. Баскакова; Каракалп. филиал АН УзССР. Ин-т истории, языка и литературы. – Москва: Сов. энциклопедия, 1967. – 1124 с.
46. Русско-кыргызский словарь: 51 000 слов / Под ред. К. К. Юдахина. – Бишкек: «Шам», 2000. – 992 с.
47. Русско-узбекский словарь: в двух томах. Т. II (П – Я) / Акад. наук Узбекской ССР, Ин-т языка и лит. им. А. С. Пушкина; Редкол.: М. К. Кошчанов (пред.), С. Ф. Ақобиров. – Ташкент: Гл. ред. Узбекской Советской Энциклопедии, 1984. – 798 с.

48. Azərbaycanca-rusca lügət. Dörd cildə. II cild. – Bakı, «Şərq-Qərb», 2006. – 848 səh.
49. Калмыцко-русский словарь. 26000 слов. Под ред. Б. Д. Муниева. – М., «Русский язык», 1977. – 768 с.
50. Бурят-монгольско-русский словарь: Около 25000 слов: С прил. краткого грамат. справочника по бурят-монгол. яз. / Сост. К. М. Черемисов; под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева; Бурят-монгол. гос. на-уч.-исслед. ин-т культуры. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. – 852 с.
51. Цыденжапов Ш. П. Бурятско-русский фразеологический словарь. – Улан-Удэ, 1992. – 145 с.
52. Баскаков Н. А. Ойротско-русский словарь: Около 10.000 слов: С прил. грамат. очерка ойрот. яз. / Сост. Н. А. Баскаков и Т. М. Тошакова; Под общ. ред. Н. А. Баскакова. – Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1947. – 312 с.
53. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы ... на буквы “К”, “Қ” / АН СССР. Ин-т языкознания / отв. ред. Г. Ф. Благова. – Москва: Наука, 1997. – 363 с.
54. Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка / Н. К. Антонов; отв. ред. проф. И. М. Романов; авт. предисл. А. П. Окладников; Якут. гос. ун-т. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1971. – 172 с.
55. В Таттинском районе Якутии проводится первый фестиваль «Иис-уус, ас фест». <https://ysia.ru/v-tattinskom-rajone-yakutii-provoditsya-pervyj-festival-iis-uus-as-fest/> (дата обращения: 27.06.2022).

References

1. Savvin A.A. Pishha jakutov do razvitija zemledelija (opyt istoriko-jetnograficheskoy monografii) / podgot. teksta, vvod. st., poslesl., komment. i primech. d. i. n. E.N. Romanovoj (otv. red.); liter. red. N.I. Degtjareva. – Jakutsk: IGI AN RS (Ja), 2005. – 376 s.
2. Nikolaev S.I. Pishha jakutov (v svete sosednih kul'tur). – Jakutsk: Jakutskij kraj, 2010. – 165 s.
3. Ionova O.V. Rastitel'naja pishha jakutov / Sbornik statej i materialov po jetnografii narodov Jakutii. Vyp. 2. – Jakutsk, 1961. – S. 26-40.
4. Gabysheva L.L. Pishhevoj kod v jakutskoj kul'ture: semantika i funkcii // Jetnografija, fol'kloristika i religiovedenie Sibiri i sopredel'nyh regionov: Materialy I Alekseevskih chtenij (g. Jakutsk, 26 aprelja 2012 g.). – Jakutsk: Izd-vo IGIIPMNS SO RAN, 2013. – S. 97-106.
5. Nikolaeva T.N. Tradicionnaja pishha jakutov kak istochnik zhiznennoj jenerгии (na materiale geroicheskogo jeposa – olonho) / T.N. Nikolaeva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 8(50). – Ch. 2. – С. 136-140.
6. Nikolaeva T.N. Lingvokul'turnaja interpretacija «beloj» pishhi jakutov / T.N. Nikolaeva – <https://doi.org/10.25587/SVFU.2020.76.61513> // Vestnik SVFU. – 2020. – № 2(76). – S. 92-101.
7. Nikolaev E.R. O tunguso-man'chzhurskih zaimstvovanijah v leksiko-tematicheskoy gruppe «pishha» v jakutskom jazyke (po leksikograficheskim materialam) / E.R. Nikolaev – DOI: 10.25693/Vasilevich.2020.045 / Narody i kul'tury Severnoj Azii v kontekste nauchnogo nasledija G.M. Vasilevich: Sbornik nauchnyh statej. Otv. redaktor L.I. Missonova. – Jakutsk, 2020. – S. 240-245.
8. Nikolaev E.R. O semanticheskix paraleljah v leksike tradicionnoj pishhi v tjurkskih jazykah (na materiale jakutskih, hakasskih, altajskih narodnyh skazok) / E.R. Nikolaev – DOI: 10.23951/2307-6119-2020-3-71-79 // Tomskij zhurnal lingvisticheskix i antropologicheskix issledovanij. – 2020. – № 3 (29). – S. 71-79. (data obrashhenija: 26.06.2022).
9. Nikolaev E.R. Pishha kak fragment jazykovoj kartiny mira (na primere dialektnyh nominacij pishhi v jakutskom i tuvinskom jazykah) / E.R. Nikolaev – DOI: 10.25587/SVFU.2020.76.61510 // Vestnik SVFU. – 2020. 2 (76). – S. 60-71.
10. Nikolaev E.R. Semanticheskie shozhdenija nazvanij molochnyh bljud (produktov) v altajskom i jakutskom jazykah / E.R. Nikolaev / Altajskoe jazykoznanie: problemy i issledovanija: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 150-letiju pervoj «Grammatiki altajskogo jazyka». – Gorno-Altajsk: BNU Respubliki Altaj «Nauchno-issledovatel'skij institut altaistiki im. S.S. Surazakova», 2019. – S. 168-174.
11. D'jachkovskij F.N., Popova N.I., Tazranova A.R., Trofimova S.M., Shirobokova N.N. Gastronomicheskaja leksika (molochnye produkty) v tjurkskih jazykah Sibiri v sopostavitel'nom aspekte / F.N. D'jachkovskij, N.I. Popova, A.R. Tazranova, S.M. Trofimova, N.N. Shirobokova – DOI: 10.23951/2307-6119-2021-1-9-20 // Tomskij zhurnal lingvisticheskix i antropologicheskix issledovanij. – 2021. – № 1(31).

– S. 9-20. https://ling.tspu.edu.ru/archive.html?year=2021&issue=1&article_id=8138 (data obrashhenija: 26.06.2022).

12. Abdina R.P. Leksiko-semanticheskoe opisanie molochnyh produktov i bljud v hakasskom jazyke / R.P. Abdina // Materialy III nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 90-letiju so dnja osnovanija Nacional'nogo muzeja im. Aldan-Maadyr Respubliki Tyva. – Kyzyl: Tipografija Municipal'noe bjudzhetnoe obshheobrazovatel'noe uchrezhdenie Kyzylskij centr obrazovanija «Anyjak», 2019. – S. 104-108.

13. Hajrutdinova T. Nazvanija pishhi v tatarskom jazyke / T. Hajrutdinova. – Kazan', 1993. – 142 s.

14. Amineva F.S. Nazvanija tradicionnoj pishhi v bashkirskom jazyke: diss. ... k. filol. n.: 10.02.02. – M., 2005. – 177 c.

15. Rassadin V.I. Trofimova S.M. Nazvanija molochnyh produktov v halha-mongol'skom, burjatskom i kalmyckom jazykah / V.I. Rassadin, S.M. Trofimova – DOI: 10.23951/2307-6119-2019-4-28-38 // Tomskij zhurnal lingvisticheskij i antropologicheskij issledovanij. – 2019. – № 4(26). – S. 28-38. https://ling.tspu.edu.ru/archive.html?year=2019&issue=4&article_id=7678 (data obrashhenija: 27.06.2022)

16. Ochirova N.Ch., Mukabenova Zh.A., Sharapova N.N. Leksika, otrazhajushhaja tradicionnuju pishhu kalmykov (jetnolingvisticheskij aspekt) / N.Ch. Ochirova, Zh.A. Mukabenova, N.N. Sharapova // Vestnik Kalmyckogo universiteta. – 2019. – № 4(44). – S. 93-98. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41745662> (data obrashhenija: 26.06.2022).

17. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka: T. III: (Bukvy U, Y) / Pod red. P.A. Slepčova. – Novosibirsk: Nauka, 2015. – 598 s.

18. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka: T. IX: (Bukva S – söllej – sjejen, bukva h) / Pod red. P.A. Slepčova. – Novosibirsk: Nauka, 2012. – 630 s.

19. Popov V.V. Jetimologicheskij slovar' jakutskogo jazyka: rukopis' / Popov V.V.; Bukvy S-Je. Chast' IV.– Jakutsk, 2020. – 424 s.

20. Dialektologicheskij slovar' jakutskogo jazyka: Soderzhit svyshe 8500 slov / Sost. P.S. Afanas'ev, M.S. Voronkin, M.P. Alekseev; AN SSSR, Jakut. filial Sib. otd-nija, In-t jaz., literatury i istorii. – Moskva: Nauka, 1976. – 392 s.

21. Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka / Pod red. P.A. Slepčova. Novosibirsk: Nauka, 2006. – 844 s. (Bukvy G, D, D', I).

22. Popov G.V. Jetimologicheskij slovar' jakutskogo jazyka / G.V. Popov. – Novosibirsk: Nauka, 2003. – 180 s. (Ch. 1: A-D').

23. Pekarskij Je.K. Slovar' jakutskogo jazyka. 2-e izd-e. – Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959. T. III. – 3858 stlb.

24. Dialektologicheskij slovar' jazyka saha: Dopolnitel'nyj tom / Sost. M.S. Voronkin, M.P. Alekseev, Ju.I. Vasil'ev. – Novosibirsk: Nauka, 1995. – 296 s.

25. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka: T. XIV (Bukvy Ch-Y) / Akad. Nauk Resp. Saha (Jakutija), In-t gumanitar. issled.; pod obshh. red. P.A. Slepčova. – Novosibirsk: Nauka, 2017. – 589 s.

26. Sanzheev G.D., Orlovskaja M.N., Shevernina Z.V. Jetimologicheskij slovar' mongol'skih jazykov: v 3 t. / Otv. red. G.D. Sanzheev, red.-sost. L.R. Koncevič, V.I. Rassadin, Ja.D. Leman. Institut vostokovedenija RAN. — M.: IV RAN, 2018. – Tom III. – Q-Z. – 2018. – 240 s.

27. Drevnetjurkskij slovar' / Red. V.M. Nadeljaev i dr.; AN SSSR, In-t jazykoznanija. – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1969. – 676 s.

28. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka: T. V: (Bukva K: kyel'jehis gyn – kjejechjerje) / Pod red. P.A. Slepčova. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 616 s.

29. Sabir'janova S.G. Naimenovaniya pishhevij produktov v bashkirskih govorah. – Ufa: Kitap, 2009. – 112 s.

30. Okoneshnikov E.I. Jazyk saha: problemy leksikografii i terminografii (sb. nauch. st.) / E.I. Okoneshnikov; sost.: k. filol. n. A.S. Akimova, lab. R.N. Protod'jakonova; otv. red.: d. filol. n. N.I. Danilova, k. filol. n. F.N. D'jachkovskij, k. filol. n. A.M. Nikolaeva; In-t gumanit. issled. i problem malochisl. narodov Severa SO RAN. – Jakutsk: IGIIPMNS SO RAN, 2015. – 210 s.

31. Bagdaryyn Sylbje Orojton sajalaa... / Bagdaryyn Sylbje. – D'okuuskaj, 2008. – 200 s.

32. Vasil'ev V. Dүңгүр үөскөјөһинје / V. Vasil'ev // Saha sirje. – 1999. – № 238 (2033). – Ahsynn'y 18 kynje. – S. 13.

33. Vasil'ev V. K genezisu kul'ta kuznecov, shamanov i voinov: triada sakral'noj vlasti / V. Vasil'ev – DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.02 // Severo-vostochnyj gumanitarnyj vestnik. – 2019. – № 1(26). – S. 17-24.

34. Pekarskij Je.K. Slovar' jakutskogo jazyka. 2-e izd-e. – Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959. T. I. – 1278 stlb.
35. Pekarskij Je.K. Slovar' jakutskogo jazyka. 2-e izd-e. – Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959. T. II. – 2010 stlb.
36. Butanaev V.Ja. Russko-hakasskij slovar' (okolo 15 tys. slov). – Petropavlovsk: «Poligrafija», 2011. – 940 s.
37. Hakassko-russkij slovar' = Hakas-orys söstik: (ok. 22 tys. slov) / M-vo obrazovanija i nauki Respubliki Hakasija, Hakasskij nauch.-issled. in-t jazyka, literatury i istorii; pod obshh. red. O.V. Subrakovoj. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 1111 s.
38. Tuvinsko-russkij slovar': 22 000 slov / red. Je.R. Tenishev. – M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1968. – 648 s.
39. Rassadin V.I. Sovremennyj tofalarskij jazyk i ego mesto v sisteme tjurkskih jazykov / V.I. Rassadin. – Jelista: Izd-vo Kalm. un-ta, 2014. – 218 s.
40. Altajsko-russkij slovar'; redkollegija: kand. filol. nauk A. Je. Chumakaev (otv. red.), kand. ist. nauk N.V. Ekeev, kand. filol. nauk A.N. Majzina, K.K. Pijantinova, N.N. Tydykova, kand. filol. nauk E.V. Tjuntshheva; BNU RA «NII altaistiki im. S. S. Surazakova». – Gorno-Altajsk, 2018. – 936 s.
41. Bashkort teleneñ akademik hyžlege: 10 tomda. T. IV: (J-K horeftöre) / F.F. Hisamitdinova redakcijahynda. – Öfö: Kitap, 2012. – 944 b.
42. Tatarsko-russkij slovar': v 2-h t. T. 1 (A – L). – Kazan': Magarif, 2007. – 726 s.
43. Bektaev K. Bol'shoj kazahsko-russkij, russko-kazahskij slovar' / K. Bektaev. – Almaty, 1995. – 703 s.
44. Bol'shoj russko-tureckij slovar'. 250 000 slov i slovosochetanj. – M.: OOO «Dom Slavjanskoj knigi», 2009. – 608 s.
45. Russko-karakalpakskij slovar': Okolo 47 000 slov / Pod red. N.A. Baskakova; Karakalp. filial AN UzSSR. In-t istorii, jazyka i literatury. – Moskva: Sov. jenciklopedija, 1967. – 1124 s.
46. Russko-kyrgyzskij slovar': 51 000 slov / Pod red. K.K. Judahina. – Bishkek: «Sham», 2000. – 992.
47. Russko-uzbekskij slovar': v dvuh tomah. T. II (P – Ja) / Akad. nauk Uzbekskoj SSR, In-t jazyka i lit. im. A.S. Pushkina; Redkol.: Koshchanov M.K. (pred.), Akobirov S.F. – Tashkent: Gl. red. Uzbekskoj Sovetskoy Jenciklopedii, 1984. – 798 s.
48. Azərbaycanca-rusca lügət. Dörd cildə. II cild. – Baki, «Şərq-Qərb», 2006. – 848 səh.
49. Kalmycko-russkij slovar'. 26000 slov. Pod red. B.D. Munieva. – M., «Russkij jazyk», 1977. – 768 s.
50. Burjat-mongol'sko-russkij slovar': Okolo 25000 slov: S pril. kratkogo grammat. spravochnika po burjat-mongol. jaz. / Sost. K.M. Cheremisov; Pod red. C.B. Cydendambaeva; Burjat-mongol. gos. nauch.-issled. in-t kul'tury. – M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovaroj, 1951. – 852 s.
51. Cydenzhapov Sh.R. Burjatsko-russkij frazeologicheskij slovar'. – Ulan-Udje, 1992. – 145 s.
52. Baskakov N.A. Ojrotsko-russkij slovar': Okolo 10.000 slov: S pril. grammat. ocherka ojrot. jaz. / Sost. N.A. Baskakov i T.M. Toshhakova; Pod obshh. red. N.A. Baskakova. – Moskva: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovaroj, 1947. – 312 s.
53. Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov: obshhetjurkskie i mezhtjurkskie leksicheskie osnovy ... na bukvy "K", "K" / AN SSSR. In-t jazykoznanija / otv. red. G.F. Blagova. – Moskva: Nauka, 1997. – 363 s.
54. Antonov N.K. Materialy po istoricheskoj leksike jakutskogo jazyka / N.K. Antonov; otv. red. prof. I.M. Romanov; avt. predisl. A.P. Okladnikov; Jakut. gos un-t. – Jakutsk: Jakutskoe knizhnoe izd-vo, 1971. – 172 s.
55. V Tattinskom rajone Jakutii provoditsja pervyj festival' «Iis-uus, as fest». <https://ysia.ru/v-tattinskom-rajone-yakutii-provoditsya-pervyj-festival-iis-uus-as-fest/> (data obrashhenija: 27.06.2022).

